

Ахмед Кавам

Регим НОВБАРИ

Старик Ахмед — слуга шаха — торопился во дворец. По дороге он бросил нищие мелкие монеты: милостыня — лучший способ отогнать злого духа от новорожденного...

Первым, кого встретил Ахмед во дворце, был министр Эйна-Доуле — правая рука шаха. Ваше превосходительство, — залыкался от радостного возбуждения, воскликнул старик, — Аллах испослал мне милость: у меня родился сын!

Эйна-Доуле покровительственно кивнул головой: — Если ребенок похож на тебя, назови его Ахмедом.

— Слушайте, ваше превосходительство, я называю его Ахмедом.

Старик подобострастно поцеловал руку Эйна-Доуле: — Ахмед будет вашим верным слугой. Таким же, как я!

После смерти отца Ахмед действительно стал слугой Эйна-Доуле, слугой человека, который славился своей бесчеловечностью: бесплодно прожитым считал он тот день, когда не совершалось ни одной казни. Эту житейскую «мудрость» усвоил и слуга.

Слуга?.. Вернее было бы назвать его лакеем.

К тридцати годам Ахмед Кавам занял пост министра внутренних дел Ирана. Вот некоторые даты и события из его послужного списка.

1912 год. В компании с русским палачом — полковником Ляховым — Кавам ушел и потонул в крови народа иранской революции. Эту акцию Ахмед Кавам любил называть «священным кушаньем» (одна из мусульманских религиозных обрядов).

1921 год. Кавам подавил национально-освободительное движение в Хорасане. Голоду митинжана Тагихана он послал в подарок шаку.

Подарок пришелся по вкусу не только шаку, но и Ллойд-Джорджу.

С этого времени Англия стала тоже возрождать Ахмеда. Он быстро пошел в гору. И вот это уже не Ахмед, а Кавам-э-Салтане — премьер-министр Шахиншахского Ирана.

«Честный слуга знает только одного хозяина» — гласит пословица.

Кавам был воспитан в этих традициях. Англичане слишком откровенно вели свою колониальную политику. Поддержка англичан могла отразиться на карьере Кавама. Не сошелся же свет клином на англичанах! Валюта есть и в других государствах.

Поиски нового хозяина привели Кавама к американцам, которые еще накануне первой мировой войны протягивали шупальца к Ирану. Американцы сделали вид, что удивлены появлением этого визитера, но втайне были весьма ободрованы.

Посольство США давно присматривалось к Каваму. Везет же англичанам: им служит человек, способный на любую подлость!

Теперь повезло американцам. Кавам — это именно тот иранец, которого им не доставало. Через Кавама они смогут проникнуть в глубь страны, завладеть нефтью, превратить Иран в свой военный плацдарм вблизи южных границ СССР.

В 1922 году Кавам пригласил в Иран американскую экономическую миссию во главе с Финном советником миссии Грэмом Милнсом и представил американцам концессию на разработку нефти в Северном Иране. Такой акт превращал ст. 13 Советско-Иранского договора, заключенного в 1921 году. Но это нисколько не смутило Кавама.

Иранский народ голодал. То там, то здесь вспыхивали волнения против угнетателей. Нужен был палач для ликвидации демократического движения. Если бы Кавам не переметнулся к американцам, англичане остановили бы свой выбор именно на нем. Пришлось прибегнуть к услугам другого агента — Реза-хана. При поддержке англичан он захватил народную республику в Гиляне, заняв шахский престол. Реза-хан позавидовал его устремлениям со своего пути всех возможных конкурентов.

Каваму пришлось бежать в Европу. Отсюда велись переговоры с Реза-ханом. Кавам заверял его в лояльности. Слезы и слова о тоске по родине были подкреплены крупной денежной суммой. И последовало разрешение вернуться в Иран.

Опальный вельможа поселился в родовом имении Лахиджане (Северный Иран). Обладатель нескольких тысяч гектаров земли и солидных «сбережений», Кавам обдумывал в лахиджанской тиши план захвата власти. Для него хороши любые средства, вплоть до сговора с гитлеровской Германией о свержении династии Пехлеви. За это Кавам клятвенно обещал «фореру» еще более эффективную помощь, чем та, которую оказывал немцам Реза-хан в борьбе с союзниками.

Но события развернулись не так, как предполагал изменник: в Иран вступили союзные войска. Пришлось спешно менять ориентацию.

Лестно и коварством Кавам витается в доверие к молодому шаку — Мухамеду Реза, плохо разбирающемуся в политических машинах. Кавам падает перед шахом ниц, дает на коране клятву верности до гробовой доски. По совету американцев Кавама назначили премьер-министром.

Став в 1942 году во главе правительства, Кавам готовился к осуществлению своих честолюбивых замыслов. Он собою заигрывал в демократии. Он соблаблял их министерский деятель Слейман Мирза разоблачил коварство Кавама и призывал иранцев не доверять этому политикану с диктаторскими замашками.

Конфиденциалы Кавама были американцы. В посольстве США плелась сеть интриг, оупутывавшая не искусственного в политике шаха. Подбуждая к дворцу шаха, Кавам всегда вскидывал голову и долго смотрел на крышу. Здесь будет развешена флаг на гробовой доске. По совету американцев Кавама назначили премьер-министром.

Став в 1942 году во главе правительства, Кавам готовился к осуществлению своих честолюбивых замыслов. Он собою заигрывал в демократии. Он соблаблял их министерский деятель Слейман Мирза разоблачил коварство Кавама и призывал иранцев не доверять этому политикану с диктаторскими замашками.

Конфиденциалы Кавама были американцы. В посольстве США плелась сеть интриг, оупутывавшая не искусственного в политике шаха. Подбуждая к дворцу шаха, Кавам всегда вскидывал голову и долго смотрел на крышу. Здесь будет развешена флаг на гробовой доске. По совету американцев Кавама назначили премьер-министром.

Став в 1942 году во главе правительства, Кавам готовился к осуществлению своих честолюбивых замыслов. Он собою заигрывал в демократии. Он соблаблял их министерский деятель Слейман Мирза разоблачил коварство Кавама и призывал иранцев не доверять этому политикану с диктаторскими замашками.

Конфиденциалы Кавама были американцы. В посольстве США плелась сеть интриг, оупутывавшая не искусственного в политике шаха. Подбуждая к дворцу шаха, Кавам всегда вскидывал голову и долго смотрел на крышу. Здесь будет развешена флаг на гробовой доске. По совету американцев Кавама назначили премьер-министром.

Став в 1942 году во главе правительства, Кавам готовился к осуществлению своих честолюбивых замыслов. Он собою заигрывал в демократии. Он соблаблял их министерский деятель Слейман Мирза разоблачил коварство Кавама и призывал иранцев не доверять этому политикану с диктаторскими замашками.

Конфиденциалы Кавама были американцы. В посольстве США плелась сеть интриг, оупутывавшая не искусственного в политике шаха. Подбуждая к дворцу шаха, Кавам всегда вскидывал голову и долго смотрел на крышу. Здесь будет развешена флаг на гробовой доске. По совету американцев Кавама назначили премьер-министром.

Став в 1942 году во главе правительства, Кавам готовился к осуществлению своих честолюбивых замыслов. Он собою заигрывал в демократии. Он соблаблял их министерский деятель Слейман Мирза разоблачил коварство Кавама и призывал иранцев не доверять этому политикану с диктаторскими замашками.

Конфиденциалы Кавама были американцы. В посольстве США плелась сеть интриг, оупутывавшая не искусственного в политике шаха. Подбуждая к дворцу шаха, Кавам всегда вскидывал голову и долго смотрел на крышу. Здесь будет развешена флаг на гробовой доске. По совету американцев Кавама назначили премьер-министром.

Став в 1942 году во главе правительства, Кавам готовился к осуществлению своих честолюбивых замыслов. Он собою заигрывал в демократии. Он соблаблял их министерский деятель Слейман Мирза разоблачил коварство Кавама и призывал иранцев не доверять этому политикану с диктаторскими замашками.

Конфиденциалы Кавама были американцы. В посольстве США плелась сеть интриг, оупутывавшая не искусственного в политике шаха. Подбуждая к дворцу шаха, Кавам всегда вскидывал голову и долго смотрел на крышу. Здесь будет развешена флаг на гробовой доске. По совету американцев Кавама назначили премьер-министром.

Став в 1942 году во главе правительства, Кавам готовился к осуществлению своих честолюбивых замыслов. Он собою заигрывал в демократии. Он соблаблял их министерский деятель Слейман Мирза разоблачил коварство Кавама и призывал иранцев не доверять этому политикану с диктаторскими замашками.

— Совершенно необъяснимо! Загадочно... Может быть, наш Кавам сошел с ума? Но Кавам остался Кавамом. Играл в демократию, он с нетерпением ждал того дня, когда последний советский солдат покинет иранскую землю.

Присутствие советских войск в Иране стесняло Кавама: грязное дело лучше всего делать без свидетелей.

Свидетели ушли. И демократическая маска сброшена. «Дожо до сведения общественности, что я больше не разрешаю различным рабочим организациям вмешиваться в управление государством».

— О, теперь мы узнаем нашего Кавама! Это наш прежний Кавам!.

Закрываются рабочие клубы, прогрессивные газеты и журналы, арестовываются честные демократические деятели. А как же с земельной реформой? «Вот мне дад на хранение землю, и на этой земле я усую и укреплю подлинную основу собственности».

Новый американский посол Аллен охотно обещает Каваму заем в 250 миллионов долларов. Американские военные специалисты разрабатывают план разгрома рабочего движения в Иранском Азербайджане, Курдистане, Гиляне, Кавам санкционирует эту «операцию».

Для обеспечения «спокойных выборов» в новый меджлис Кавам направляет войска и жандармерию во все концы Ирана. (В скобках заметим — войска и жандармерия обучены американскими инструкторами под руководством генералов Гроу и Шварцкопфа).

Вооруженные силы предательски врываются в Иранский Азербайджан: вчерашний «демократ» и «друг народа» вероломно аннулирует свое же соглашение с азербайджанцами. Начинается кровавая расправа с патриотами, которым было клятвенно обещано учреждение местных самоуправлений и человеческие условия существования для азербайджанского народа.

Десятки тысяч демократов брошены в застенки американского лагеря в Бадрабате, дружелюбно предоставленного в распоряжение Кавама. Азербайджанцев лишены права участвовать в выборах в меджлис. Им навязали мажоритарных реакционеров, как феодал Зальфария, предатель Саед и старый агент Англо-иранской нефтяной компании пресловутый Таги-Зае.

Для проведения «свободных» выборов в Мазандаран прибывает отряд пулеметчиков. Это еще более действенная «капитуляция».

Те, кто недавно готов был назвать Кавама «сумасшедшим», вочию убедились, что он находится в твердом уме и здравой памяти. Американский посол мистер Аллен официально заявил, что он считает действия иранского правительства «совершенно нормальными и уместными». Это была моральная поддержка. А поддержку военную попрежнему оказывали Каваму «генералы Гроу и Шварцкопф». Вместе с Кавамом уточнялись все детали разгрома демократии, намечались точки, где должны быть поставлены виселицы. Для американских генералов это такое же привычное профессиональное дело, как линчевание негров, как расстрел китайских рабочих в Шахнае, как убийство пьющими солдатами США иранские жонглиры и преступники.

Из Вашингтона прибывают «наблюдатели» — военные специалисты, конгрессмены. Они, как заявил глава комиссии Дьюри Шерт, посещают «все те страны, в которых находятся американские военные отряды. Мы прибыли в Иран, чтобы непосредственно ознакомиться с положением дел здесь».

Американское «неосредственное ознакомление» в действительности обозначает передачу Ирана под протекторат американского империализма. Президент Труман утвердил Кавама протектором. Ему «ясноговориван» по разверстке пяти пехотных дивизий.

С шахом теперь можно не считаться даже для профпробы. И Кавам выступает с диктаторской декларацией: «Я взял власть в свои руки в самый критический момент и отдавать ее не собираюсь. Это — окончательно».

С трибуны так называемого меджлиса Кавам нагло заявил: «Подписанное мною советско-иранское соглашение — не в интересах Ирана».

— Правильно! Правильно! — хором крикнули его «депутаты». — Пусть бог тебе поможет!

Кавам привык надеяться не на бога, а на собственное вероломство и на покровительство иностранных друзей.

Аллен знакомит Кавама с вновь прибывшими из Вашингтона инструкторами — представителями Генерального штаба США. Они собираются совершить автомобильную прогулку вдоль советско-иранской границы.

Иранская прогрессивная общественность клеймит презрением американского наемника. Истинным патриотом всего, почему иностранные нефтяные магнаты так бешено сопротивлялись проведению в жизнь советско-иранского соглашения.

Газета «Раэм», выражающая настроения широких масс Ирана, с глубоким возмущением пишет: «Меджлис в угоду американским интересам продолжает политику дискриминации в отношении Советского Союза. Меджлис толкнул Иран в лагерь американского империализма. Ни один иранский патриот не может согласиться с такой политикой».

Занесения и работлеуству перед американцами, Кавам не забывает и своего кармана: он получил от американских нефтепромышленников не один миллион долларов. Так сообщил американский радиодобровольцев.

Американцы надумали Кавама поставить «своих людей» у ворот Тегерана. Среда бела дня «свои люди» грабят крестьян. Этот «налог» дает ежедневно кругленькую сумму в 9 миллионов риал. Они идут на содержание «Демократической» партии Кавама.

Дым от огня, зажженного Кавамом и раздуваемого американцами, ест глаза иранского народа. На площадях Тегерана уже можно услышать такие речи: «Кавам — микроб. Он душит народ, губит свободу». «Если Кавам и дальше будет настаивать на продолжении своего пребывания у власти, народ обязан арестовать его».

В 1942 году иранский народ, вооруженный только палками и камнями, разбил продажный меджлис Народу дорога честь и независимость родины. И он сумел разбить Каваму, что немалое испытание и повторять политику, уже потерпевшую крах.

История не знает случаев, когда продажные лакеи были бы сплелеными странами. Ахмед Кавам-э-Салтане — потемневший лакей, «кулик» империализма.

История против Кавама, ибо против него иранский народ!

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

Суд присяжных штата Южная Каролина недавно оправдал всех участников лynchевания негра. (Нью-Йорк Мессежс). Рис. ГРОППЕРА.

Правосудие в Южной Каролине

Факты без комментариев

«МИЛЛИОНЕРЫ» В Шанхае в порядке «режима экономии» закрыты недавно все дансинги. Когда 20 тысяч работавших в них девушек заявили протест, вынуждено, что каждая из них получала зарплату в 4.500.000 долларов в год. Правда, речь идет не об американских, а об отечественных в США китайских долларях.

Официальный курс американского доллара в Китае — 12 тысяч китайских долларов, а на черном рынке за него дают 50 тысяч. Китайцу, отправляющемуся за покупками, приходится носить с собой корзину с деньгами, так как за любую приобретенную вещь обычно расплачиваются пачками ассигнаций.

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ И НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ЛИЦА В США Государственный департамент США недавно отказал в визе весьма популярному в Америке мексиканскому художнику Кевалье Герреро на том основании, что «ввиду своей активной антарктической деятельности он является врагом Соединенных Штатов». Вместе с тем виза на въезд в США была свободно предоставлена норвежской певице Кирстен Флагстад, усердно сотрудничавшей с немцами во время оккупации Норвегии.

СТРАВИНСКИЙ СОЧИНЯЕТ ФОКСТРОТЫ Руководитель американского «Линде мюзик корпорейшн» Лу Левин предложил Игорю Стравинскому заняться переложкой собственных произведений для джаза. «Сделайте это сами, и вы заработаете большие деньги», — советовал Стравинскому этот бизнесмен.

Стравинский, «после зрелого размышления», как пишет газета «Монд», переложил рондо из своей «Жар-птицы» в слоу-фокс и назвал его «Летняя луна».

Знакомы джазовой музыке уверенно предсказывают, что Стравинский превзойдет всех, даже самых знаменитых «джазистов».

ФУТБОЛ И ЦЕРКОВЬ Желая привлечь во воскресенье в церковь возможно большее количество людей, чикагский католический епископ Бернард Дж. Шилл распорядился устроить во всех католических церквях города телевизионные установки и вести передачу футбольных матчей непосредственно со стадионов.

ПАЛАЧ С ЗАПРОСОМ Как сообщает агентство Рейтер из Парижа, официальный палач Франции Дефурно 25 ноября отказался гильотинировать восемь человек, приговоренных к смертной казни. Он потребовал, чтобы ему дали старую начальника отдела департамента и выплачивали премию за каждую срубленную его гильотиной голову.

«ОСАДИ НАЗАД!» Негр Рой Джонсон приговорен судом штата Северная Каролина к штрафу в 25 долларов за то, что сел на переднее место в автобусе, и в то время — как для негров отведены три последних скамейки. Оплачивая приговор, судья прочел лекцию о необходимости изоляции белых от черных.

Войны, о которых не пишут продажные газеты

Если бы какой-нибудь из советских писателей вздумал написать прозаическое на тему, подобную той, которая разработана в «Скупом рыцаре» Пушкина или в «Тартюфе» Мольера, он вынужден был бы искать натуру за пределами Советского Союза, где-нибудь поближе к Уолл-стрит.

Есть темы, веками питавшие мировое искусство, но оказавшиеся вымершими в нашей стране.

Сюда относятся и колониальная тема, по которой буржуазные писатели Запаха так долго вышивали изящные экзотические узоры.

Впрочем, ныне эта тема становится неудобной и для западной литературы.

Слова: Ямайка, Барбадос, или Тринидад, или Британская Гвиана, или Полведренные острова всегда ассоциировались с шелковыми обложками приключенческих романов.

Но сейчас экзотическая тема стала слишком грубой и гадкой. Из пышной словесности она ушла в кровавую хроника газет.

В течение трех месяцев на лондонских улицах можно было видеть живописные фигуры делегатов из Западной Африки. Они прибыли для переговоров с министерством колониал о предоставлении самоуправления народам Нигерии и Камеруна. Их приняли пышно.

Но и делегатам, и тридцатимиллионному народу, который они представляли, приказано быть пай-мальчиками, не баловаться с самоуправлением, не лезть без спроса в независимые нации. Шить ты! Самоуправления захотели! Экие вольнодумцы! Ну-ка, марш на место!

В самом деле, вчера Египет, сегодня Индия, завтра Палестина — атак от Британской империи ничто не останется.

«Солнце никогда не закатывается над владениями английской короны», — гласит старинный горделивый лозунг британской колониальной империи.

Но, как замечает орган английской независимой рабочей партии «Социалист лидер»:

«Если солнце никогда не закатывается над империей, то сама империя в конце концов переживает закат».

Однако в зрелище этого заката нет ничего от умиротворяющих красок илльциамы вечернего пейзажа. Сумерки империализма занолнены скрежетом танков и вспышками авиабомб.

По крайней мере четыре необъявленные войны ведутся сейчас в мире, который уже два с половиной года официально считается немощным: в Китае, в Индонезии, в Грени, во Вьетнаме.

Поджигатели войны пытаются выдать свои хищнические колониальные походы за обыкновенные полицейские мероприятия, чтобы регулировки улупного движения.

«Авторитетные круги уточняют, — сообщает агентство Франс Пресс по поводу бойкота, устроенного французскими войсками во Вьетнаме, — что дело идет об операциях полиции, преследующей цель обеспечить контроль над границами».

По поводу действий подобной же «полиции», вооруженной линкорами и реактивными самолетами, индонезийская газета «Буру» пишет в номере от 22 ноября:

«Если голландцы стремятся к миру, то мы не понимаем, почему они продолжают забрасывать наши города дождем бомб, снарядов, пуль?»

Мы намеренно привели дату — 22 ноября, потому что, как известно, еще в сентябре организация Объединенных наций приняла решение о прекращении военных действий в Индонезии и даже послала туда свою комиссию.

Но, как сообщает индонезийское агентство «Антара»:

«Со дня отдачи приказа о прекращении военных действий голландцы нарушали этот приказ 3.670 раз».

Все это делается под благодушными взорами комиссии ООН, состоящей из американца, австралийца и бельгийца. Эти три невозмутимых джентльмена называют себя несколько ирриво: «Комиссия добрых услуг».

Если принять во внимание, что, не смущаясь присутствием комиссии, голландцы продолжают методически обстреливать из самолетов мирное население вокруг Сурабаи и Ламонгана, не щадя при этом и госпиталей, жечь дома в деревнях, расстреливать пленных, то надо признать, что «добрые услуги» этой комиссии носят довольно односторонний характер.

«Мы не хотим зависеть от голландцев, — пишет политический обозреватель агентства «Антара», — чья торговля сейчас полностью в руках Уолл-стрита... Мы очень сожалеем, что противник игры этих мажорлов с Уолл-стрита, Советский Союз, не входит в состав комиссии. Советский Союз, несомненно, поддержал бы позицию Индонезии в достижении полной свободы».

Никогда еще полосу добра и зла не обозначались в мире с такой ясностью. Семидесятилетний индонезийский народ борется за свою свободу и независимость. Голландские наемники Уолл-стрита борются за индонезийский сахар. Вице-министр экономики индонезийской республики Касимо сообщил на днях, что «голландские войска с помощью английских и американских танков и авиации захватили на территории республики более 300 тысяч тонн сахара».

30-миллионный народ Нигерии и Камеруна отстаивает свое право на самоуправление. Артур Крич-Джонс отстаивает в этих колониях крупные рынки сбыта для ланкаширских текстильных фабрик.

На одной стороне мира — честь, справедливость и правда. На другой — ачтность, жажда наживы и мрак расистских предрассудков.

На конференции представителей семи английских колоний в Вест-Индии г. Крич-Джонс отверг требование трехмиллионного народа Вест-Индии о самоуправлении и туманно заявил, что «единственное спасение заключается в объединении сил».

В ответ на это влиятельный деятель рабочего движения на Ямайке У. А. Бустаманте сказал:

«После 200 лет английского господства настало время не только для создания федерации, но и для предоставления самоуправления».

В другой точке мира, в Джокьякарте, газета «Буру» пишет:

«В течение 350 лет голландцы с помощью штыков хотели установить «спокойствие и порядок». Если они не сумели этого добиться раньше, то сейчас они будут иметь еще меньше успеха, несмотря на танки и бомбардировщики, так как индонезийский народ стал более сознательным и выступает единым фронтом в борьбе за свою свободу».

Нет, это не народы воюют друг с другом. Простым людям Америки, Англии, Голландии, Франции не за что проливать свою кровь в далеких болотах Хохингши и тропических лесах Явы.

Это под покровом ночи, привлеченные запахом сахара и каучука, лопаются в чужде дома бангитов, вооруженные современными воронками инструментариум, где место отмычки и кастета заняли американские и английские самолеты и танки.

«ПОЧЕМУ Я КОММУНИСТ»

Почему я стала коммунисткой? Мне кажется, что внутренне я ею была всегда. Но только в 1938 году, в час Моисея, когда коммунистические депутаты были подвергнуты репрессиям за смелость, благородство и искренность, я всем своим сердцем прикинула к коммунистической партии».

Ей ответил врач Жан Вальдас: «Я с самого начала своей врачебной практики убедился в существовании жестокого неравенства людей. Это неравенство может исчезнуть только при социалистическом переустройстве мира».

В этом небольшом сборнике мы слышим ясный голос крупнейших поэтов, художников и композиторов современной Франции.

«Я вступила в коммунистическую партию, — пишет поэт Поль Элюар, — весной 1942 года. И потому, что это была партия Франции, я связал с нею все свои силы и всю жизнь. Я хотел быть среди людей моей страны, которые шагают в свободу, к миру, к счастью, к настоящей жизни».

Разными путями пришла в партию композитор Луи Лурей, философ Жан Марсенак, доктор Жанна Левин, писатель Блод Морган, журналистка Симон Топи. Но многие из них называют величественные строчки стихотворения Луи Арагона «Пост обращается к партии» голосом собственного сердца:

«Я начал забывать, как детский сумрак сна, что сердцем я француз, что кровью моя красна, Я помнил только ночь и цвет всего ночного...»

В сборнике «Почему я коммунист» приведены высказывания только небольшой части французских интеллигентов, связавших свои судьбы с коммунистической партией.

Но в этих высказываниях вполне достаточно дан того, чтобы понять, на кого заносится дубина сегидинскими «защитниками культуры». Это — дубина громады, угрожающей подлинной культуре человека.

«Почему я коммунист? Мне кажется, что внутренне я ею была всегда. Но только в 1938 году, в час Моисея, когда коммунистические депутаты были подвергнуты репрессиям за смелость, благородство и искренность, я всем своим сердцем прикинула к коммунистической партии».

Ей ответил врач Жан Вальдас: «Я с самого начала своей врачебной практики убедился в существовании жестокого неравенства людей. Это неравенство может исчезнуть только при социалистическом переустройстве мира».

В этом небольшом сборнике мы слышим ясный голос крупнейших поэтов, художников и композиторов современной Франции.

«Я вступила в коммунистическую партию, — пишет поэт Поль Элюар, — весной 1942 года. И потому, что это была партия Франции, я связал с нею все свои силы и всю жизнь. Я хотел быть среди людей моей страны, которые шагают в свободу, к миру, к счастью, к настоящей жизни».

Разными путями пришла в партию композитор Луи Лурей, философ Жан Марсенак, доктор Жанна Левин, писатель Блод Морган, журналистка Симон Топи. Но многие из них называют величественные строчки стихотворения Луи Арагона «Пост обращается к партии» голосом собственного сердца:

«Я начал забывать, как детский сумрак сна, что сердцем я француз, что кровью моя красна, Я помнил только ночь и цвет всего ночного...»

Литература в долгу перед нашим рабочим классом

Большая тема современности

Большая тема нашей советской действительности, тема рабочего класса еще не завоевала себе того места в литературе, которого она достойна. Год назад напечатан в журнале «Новый мир» очерк Бориса Галина «В Донбассе». Если напрячь память, можно припомнить еще два-три названия небольших повестей, посвященных ученикам ФЗО и ремесленных училищ. И это все, что появилось до последнего времени за два года до дня окончания войны.

У советской литературы есть заслуги в изображении рабочего класса нашей страны. Начиная с М. Горького — первого из писателей, указавшего на величайшее значение труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире — раскрытие роли свободного труда в формировании человеческого характера стало основным признаком социалистической литературы. Это определило резкую грань между ней и литературой собственного общества, всегда расценивающей труд, как проклятие. В этом — великое новаторское значение советской литературы. Естественно, ее представители искали, в первую очередь, своего героя там, где создавалась новая общественная мораль, где зарождалась и совершенствовались новые формы коммунистического отношения к труду, — в рабочем классе нашей страны. От первого коммунистического субботника до «огненного взрыва массовой энергии» — Стахановского движения, этой высшей формы социалистического соревнования, — таков путь трудовых советских людей в предвоенный период.

Советские прозаики создали произведения, несущие духовный облик нашего рабочего, раскрывающего становление нового социалистического характера, воспитанного героической партией Ленина — Сталина.

В годы восстановления и первых сталинских пятилеток советская литература практически решила вопрос о методах изображения трудовой жизни народа. В борьбе с формализмом и техницизмом, с влияниями идеологии капиталистического Запада создавались произведения, показывающие «лучшее из великого — человека», раскрывающие связь и взаимозависимость трудовой жизни отдельного человека с историческим движением общества к социализму.

«Цемент» Ф. Гладкова, «Как закалялась сталь» И. Островского показали рождение нового советского рабочего. В. Катаев в романе «Время, вперед!», Д. Леонов в «Сотни», М. Шагинин в «Гиперцентраль», Ф. Гладков в «Энергии» изображали трудовую энтузиазм нашего рабочего класса в годы пятилеток. В своей превосходной книге «Люди из заложества» А. Малышкин попытался раскрыть процесс духовного перерождения миллионов простых людей под влиянием свободного труда, направленного на удовлетворение частнособственных интересов, а на благо народа. Ю. Крымов проникновенно передал дух социалистического соревнования в повести «Танкер «Дербент»».

Отдельные недостатки этих произведений не могут закрыть главного — в литературе появились и утвердился герой нового человека, представитель советского рабочего класса, — партийный и непартийный большевик.

В годы Великой Отечественной войны рабочий класс отдавал все свои силы делу победы, непрестанно совершенствовал технику производства, увеличивающую мощь

промышленных предприятий, воздвиг новые фабрики и заводы. «Рабочий класс Советского Союза совершил великий трудовой подвиг в вышедшей войне» (И. В. Сталин).

Великий этот подвиг достойного отражения в художественной литературе не получил. «Испытание» А. Первенцева, «Огни» А. Караваевой были только первой попыткой запечатлеть по горячим следам событий трудовой энтузиазм рабочего класса в дни величайших в истории битв. Ни одному из авторов не удалось раскрыть новые черты характера советского рабочего, которые проявились в годы войны. Попытки в этом направлении были, как это уже отмечалось нашей критикой, повесть Ф. Гладкова «Клятва». В ней чувствуется влюбленность автора в труд рабочего.

Значительный недостаток новых произведений о рабочем классе заключается в том, что наши писатели еще глубоко не поняли всей глубины изменений, происшедших в сознании и психологии советского рабочего класса и новой технической интеллигенции, вышедшей из его передовых слоев.

Всем памятно постановление ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь», фильме, в котором период послевоенного восстановления и образы советских людей получили фальшивое, искаженное изображение. Рабочие и инженеры, восстанавливающие Донбасс, были показаны отсталыми и малокультурными людьми с очень низкими моральными качествами.

Наша литература и наше искусство пока еще не преодолели недостатков, указанных Центральным Комитетом партии.

Литературно-художественные журналы за год, истекший со дня этого исторического постановления, за немногим исключением не напечатали значительных очерков, правдиво и полно отражающих трудовой энтузиазм на наших фабриках и заводах.

Только в последних книжках журналы попытались откликнуться на важнейшую тему современности. На ленинградском роде происходит действие повести А. Чаковского «Мирные дни» («Звезда»). Образы рабочей молодежи и технической интеллигенции рисует Вера Панова в повести «Кружались» («Знамя»). Очерк «В одном населенном пункте» — работа партийного пропагандиста на шахтах восстанавливающегося Донбасса напечатал Борис Галин («Новый мир»). О трудовом героизме сталинградцев рассказывает в своей книге «Неугасимое пламя» Борис Полевой («Октябрь»).

Но есть ли это начало перелома? Скорее только первый проблеск.

В проспектах «столетия» журналов на 1948 год с большим трудом можно разглядеть стилизованные упитанные среди романов и повестей на военные темы и темы колхозной деревни всего две-три повести, в которых, судя по названию, читатель может быть встретит и образы советских рабочих.

Советский рабочий класс был и остается руководящим классом в нашем советском обществе. «Это — совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, подобный которому не знала еще история человечества» (И. В. Сталин).

Социалистическое соревнование ныне приобрело всеобщий характер. Наши рабочие не жалуют сил и труда, чтобы не только выполнить, но и перевыполнить последнюю пятилетку. На заводах и фабриках ширится замечательное движение —

рабочие берут личные обязательства досрочно выполнить годовые планы и пятилетку в целом. Этого не было в довоенные годы. Ряды новаторов производства возрастает с каждым днем, и лет возможности перечислить здесь даже наиболее знающие, уже известные всей стране имена. Недавно ленинградцы обратились с патристическим призывом выполнить план послевоенной сталинской пятилетки в четыре года, и этот призыв подхватили вся страна — рабочие, колхозники, интеллигенция.

Все это свидетельствует о значительном идейном росте, высоком патристическом, благородных моральных качествах людей нашей социалистической промышленности. Новые советский рабочий уже не тот, каким он был в годы первых пятилеток. Он подчинил себе время и властно устремляет его вперед. Показать всему миру новый духовный облик советского рабочего-патриота и новатора — священный долг советского писателя.

И. В. Сталин еще в 1929 году писал, что в нашей печати «...редко можно встретить такие заметки, которые изображали бы сколько-нибудь свято картину того, как проводится соревнование самими массами, картину того, что переживает миллионы массы рабочих, осуществляя соревнование и подписывая договоры, картину того, что массы рабочих считают дело соревнования своим собственным, родным делом».

Но ведь это как раз и есть вдохновляющая писателя задача — показать переживания миллионов людей нашей промышленности, запечатлеть искусством слова героическую «картину» того, как проводится соревнование самими массами.

Народ ждет, чтобы его литераторы заглянули в завтрашний день нашего человека. Когда-то М. Горький мудро говорил, что молодые писатели «должны искать вдохновения и материалов в широком и бурном потоке труда, создающего новые формы жизни, им следует жить как рабочие, но ближе к творческой воле нашей эпохи, — воля эта воплощена в рабочем классе».

Невнимания к большой теме наших дней со стороны наших прозаиков, драматургов, поэтов — старых и молодых — свидетельствует о наличии в писательской среде вредной самоуспокоенности и ничем не оправданного благодушия. Как бы ни были значительны достижения советской литературы, нет никаких оснований для самоуспокоенности. Не решены многие коренные темы нашей современности. Советский писатель должен идейно-творчески мобилизовать литераторов на упорную борьбу за решение этих задач. А между тем ни секция прозы, ни секция критики, равно как и секция поэзии и драматургии, не поставили еще вопроса об изображении рабочего класса в литературе.

Рабочий класс должен быть в центре внимания наших писателей. Величайшая романтика труда вдохновляла нашу литературу и сделала ее передовой литературой мира, помогла ей создать книги, имеющие глубокое воспитательное значение.

Прекрасное сегодня советского рабочего класса дает еще более вдохновляющий материал для создания патристических художественных произведений, на которых будущее воспитание поколения новых строителей коммунизма.

Как прославлен их труд

Тысячи юной и девушек в годы Отечественной войны заменили на заводах и фабриках взрослых рабочих. Множество взрослых воспитанников школ ФЗО и ремесленных училищ ушли в мирные дни опустелых в шахты, поднялись на леса новостроек. Как отражен в литературе их подвиг, как прославлен их труд? Кто из писателей и поэтов написал об этом отряде строителей новой сталинской пятилетки? И много ли книг вообще написано в последние годы о молодом пополнении рабочего класса? На этот вопрос ответить не трудно. Список этих книг не слишком велик. О подростках в дни войны говорится в рассказе Николая Тихонова «Я все живу», в романе А. Караваевой «Весенний шум», в повестях: Л. Касася «Дорогие мои мальчишки», И. Ликстона «Мальшож», М. Карнеева «Соперники», в стихотворениях А. Барто «Никитка» и С. Михалкова «Даша Кузьмина». Всего лишь одна книга написана о послевоенной подготовке трудовых резервов — «Бригада смывленных» В. Курочкина. Эти книги и несколько газетных очерков — вот все или почти все, что написано на эту важнейшую тему. Произведения, появившиеся во время войны, не раскрыли с достаточной глубиной воспитания и обучения молодого рабочего. Почти всюду показан лишь результат: подвиги, которые отличают трудящегося. Как это было достигнуто, какое упорство, потребность от самых ребят, сколько умения и терпения приложили те, кто их обучал, — все это не отражено в произведениях. Писатели прежде всего выразили восхищение ребятами, работающими на фронт.

Капка Бутырев — главный герой повести «Дорогие мои мальчишки» — учится в ремесленном училище. Но труд не является основной темой книги. Дело не в том, что сказка Арсения Гая и приключения «командос Рыбачьего Затона» занимают в ней значительно больше места, чем изображение работы Бутырева. Дело прежде всего в том, что единственная глава «И стар и млад», где показана работа в цеху, написана куда менее увлекательно, чем остальные. В ней есть все, что пришло из торопливо написанных очерков о подростках, выполняющих фронтальной работы: чудачество мастер производственного обучения, ветеран труда, с уважением называемый Капку по отчеству, удивительная легкость, с которой Бутырев справляется с трудным заданием. Нет самого главного. Нет преодоления трудностей, нет напряжения воли, нет сознательного усилия.

Глава кончается так: «С этого же дня решил работать по два лишних часа в неделю. День этот с непривычки показался несчастьем. Освоить новый урок было не так-то легко. Детали заедло на станках. Мастер-наладчик сбился с ног. У ремесленников были устающие лица... Торопливый абзац не дает представления о том, что совершили ребята. А ведь в их решении работать два лишних часа в день романтики не меньше, чем в подвигах Великих Мастеров страны Синегории, о которой увлекательно рассказано в этой же книге. Писатель не нашел живых красок, запоминающихся слов для изображения трудового подвига не сказочных героев, а обычных мальчишек, освоивших трудную работу потому, что она нужна для фронта».

В 1946 году появилась повесть «Соперники» М. Карнеева, в 1947 году — повесть И. Ликстона «Мальшож». Обе книги вышли тогда, когда нельзя было уже только восхищаться самоотверженным трудом молодых рабочих в военные годы. За эти годы были сложены методы усердного производственного обучения. На заводах страны сложилась традиция воспитания молодых рабочих. Писать о них стало труднее и ответственнее. М. Карнеева хотел показать, как коллектив ремесленного училища перевоспитал юношу с индивидуалистическими замашками, как искоренил в нем пренебрежение к труду. Но этого не получилось. Книга называется «Соперники», и тема соревнования вытеснила

в ней тему труда, тему коллектива и соревнования. Да и самое соперничество перенесено в область личных отношений. Андрей ревнует Клару к Виктору, Сима ревнует Виктора к Кларе и т. д. и т. п. Результат — драма, в которой Виктор едва не лишается глаза, пострадал от тяжелой руки положительного героя повести. Директор училища говорит: «Произошла та вспышка, которая блеснула среди знойной ночи и привела к трагической развязке». Кроме этой «трагической развязки», в повести есть: немотирированный побег двух учеников из училища, членовредительство одного из них, испугающегося ответственности за хулиганский поступок, анонимное письмо, написанное этим учеником Яго, стремящимся усилить соперничество главных героев повести, Беззубки и прямая попытка стили повести вполне соответствует букету изображаемых событий. «Вледнорозовыми ружьями освежила лицо», — говорит автор о молодой работнице. За авантюризм приключенными и бледнорозовыми красками у автора не осталось места для того, чтобы написать о производственной учебе. Работе в цеху посвящено несколько невыразительных страниц, и когда под конец повести юные металлурги благополучно выдают плавку спецстали, это производит впечатлительные отклики. Книга М. Карнеева дискредитирует важную тему.

Иное впечатление производит повесть И. Ликстона «Мальшож». Она рассказывает о том, как военный завод принял в свою семью подростков, о том, как они учились токарному мастерству, как возникла фронтовая молодежная бригада, как она превратилась в бригаду мастеров, ставящих ее основное содержание. В скромном и незаметном Косте Мальшове возникает чувство гордости рабочего человека.

«Он, Костя Мальшев, превращал черную, грубую заготовку в блестящую деталь «катюши», он был хозяином станка и хозяином металла. Грозная «катюша» ждала его труда... Много радостей может быть у человека, но эта радость взлетает так высоко, что открывает весь широкий мир, и мир становится родным, собственным... Чего не делает человек, умеющий работать? Вот горы — он их берет, вот реки — он их запрудит, вот тайга — он пробуксует в ней широкую просеку и построит города, вот немец идет на его землю войной — он пожит, уничтожит фашистов, потому что он хозяин металла, он мастер «катюши»!»

Романтическая приподнятость и взволнованность этих слов оправдана. Прославление труда — одна из важнейших особенностей советского искусства. Борьба подростков за перевыполнение плана описана с настоящей увлекательностью, без которой немалыми хороша детская книга.

Не обошлось в книге без внешне значительных походов мальчишек, собирающихся бежать в легендарный край широким туманом за золотом. Другой ошибкой повести является то, что люди, которые обучают подростков, показаны несплошно и неубедительно. Уданы и неудачи молодежной бригады для руководителей часто оказываются неожиданными. Когда Мальшож, в результате самовольной переделки, ломает станок, секретарь комсомольской организации завода Зина Соловьева может только воскликнуть: «Какой тревожный сигнал!»

Изображение руководителей и воспитателей молодых рабочих, как пассивных регистраторов событий, — неправдоподобно. Не всюду удовлетворит читателя и язык книги. Косе-где ее герои слишком напряженно острит, развязен и грубоват инструктор производственного обучения Стукачев. Но в целом язык удачен.

Уже более двух лет молодое пополнение рабочего класса приходит на производство в мирных условиях. Проблема воспитания молодого советского рабочего требует гораздо больше внимания от писателей. Литература еще в долгу перед этой темой.

Сергей ЛЬВОВ.

Ленинградский характер

Летом этого года на площадке Запорожской строя я познакомился с Марком Ивановичем Недужко, лауреатом Сталинской премии, рядовым советским человеком, начавшим свой трудовой путь в качестве катала мартовского цеха и прославившимся теперь новыми методами восстановления поврежденных немецкими заводами зданий. Эти методы вошли ныне в учебники строительного дела. О Недужко мне сказали:

— Ленинградский характер! Я знал, что Марк Недужко в Ленинграде работал короткое время. Было это в первые месяцы войны. Но сделал Недужко немало: с его именем связана прокладка подводного бензопровода.

Немцы бесновались, они силились узнать, откуда в осажденном, наглухо блокированном городе горючее? Они выслеживали в воздухе все пути и дороги. Шестерны с горючим — не иглока, их не спрячешь... А Марк Недужко — рядовой советский человек — спрятал эту «иглоку», проложив, как говорят строители, «китку» бензопровода под Ладогой. Много сид, но не много времени отняло это дело, — вскоре Недужко видели уже где-то на берегах Каспия. До Ленинграда Недужко трудился в разных местах, но, оказывается, даже короткая работа в осажденном Ленинграде позволяла сказать об этом строителе:

— Ленинградский характер!

«Мало родиться на берегу Невы или пропустить свой паспорт в ленинградский милиционер, чтобы стать ленинградцем в высоком смысле этого образного определения. Только подлинная принадлежность к беспоконному творческому племени передовых бойцов и тружеников дает право называться настоящим ленинградцем».

Беспоконное творческое племя! Об этой племени рассказывают очерки, собранные в книге «Ленинградцы». Появление такой книги как нельзя более своевременно сейчас, когда вся наша страна вновь откликается на обращение ленинградцев — выполнить пятилетку в четыре года.

Сергей Миронович Киров, имя в слова которого часто упоминают герои очерков в книге «Ленинградцы», говорил: «... не знаю, как технически, а по-коммунистически может и должно быть сделано». Эти слова Кирова приведены в одном из очерков только что вышедшего сборника, и их можно было бы поставить эпиграфом к рассказам о советских людях, сжимающих отведенные партийной срок, проходящих учебу в трудовой и мужественной школе жизни.

«Школа — она кругом. И время, и люди, и сама жизнь», — говорит герой очерка В. Кетлишкого «Секретарь райкома» Александр Яковлевич Тихонов. Руководит ли Тихонов совещанием стариков по поводу насущных дел возрождающегося района, видим ли мы его на новостройном корабле или на заседании бюро райкома, — беспоконность, неудержимое стремление вперед, чувство уважения к человеку и его труду отражены в каждом поступке и каждом слове Тихонова. И только («Вступление в партию», записки П. Воробьяникова), Кинейко («Большие огни» А. Соловьева), Васильев («Восходящая линия» В. Воинова), Гладков и Шестаков («Запас прочности» И. Колтунова), могли впасть за решение сложной задачи — и победить.

В книге рассказано о рабочих металлического завода имени Сталина, вступающих в пору блокады в большом техническом сражении с американской фирмой «Ньюпорт Ньюс» и выигравших бой за советские турбинные новые системы. «Ваша работа обогатила советскую науку и технику новым достижением», — писал работникам ЛМЗ товарищ Сталин. О каменице Андрея Куликова, рабочем-строителе, удостоенном звания лауреата Сталинской премии. О юном умнике Кирове, носителях высокой технической культуры. Об астрономах в токарях. О строителях газопровода и проходчиках метро. Об актерах и спортсменах. Об экскаваторщиках и обуховках «Скоруха». О конструкторах и восстановителях Ижоры. Черты характера советских тружеников обрисованы в очерках В. Кетлишкого «Секретарь райкома», А. Соловьева «Большие огни», В. Карпа «Козлов Большой и Козлов Маленький», А. Зонина «Мастера доброй пропорции».

Чего ждал читатель от такой книги, как «Ленинградцы»? Он хочет, чтобы она была написана горячо, страстно и убедительно, как горячий и убедительный самый дела ленинградцев. Этого, к сожалению, не получилось. В стремлении охватить как можно больше страниц ленинградского описания составители сборника поладили и описанию — на то, чтобы втиснуть в книгу очерки не одинаковой художественной ценности и интереса.

Книгу «Ленинградцы» хочется рассматривать лишь как первые очерки о людях послевоенной пятилетки, своего рода предисловие к развернутому изображению того, как ленинградцы — инициаторы описания вступления пятилетки в четыре года — уходят в будущее. Нужно надеяться, что книги новых очерков ленинградских писателей будут стоять на уровне тех больших и значительных дел, которые творят труженики города-героя. А главное: хочется думать, что писатели города Ленина создадут, наконец, настоящие художественные произведения о героических рабочих Ленинграда.

А. ЛИТВАК.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

* Осталось собрать писателей Латвии. С докладом о патристическом призыве ленинградцев — выполнить пятилетку в четыре года — и задачах писателей выступил ответственный секретарь правления Союза советских писателей Латвии тов. Крулятин. Писатели Латвии проявили обращение во всем работникам искусства, в культуре и в культуре, в котором призывают сделать все для того, чтобы помочь латышскому народу выполнить пятилетку в четыре года.

* В Новосибирске открылась творческая конференция обирских писателей. В ней принимают участие поэты, прозаики, критики, очеркисты Омской, Томской, Иркутской областей, Красноярского края, Кузбасса, Алтай, Юрты, Горной Шории, Якутии, Тувы.

Перед вами несколько недавно вышедших книг из серии «Стахановцы новой Сталинской пятилетки». Каждая в отдельности невелика. Но все шесть вместе составляют довольно солидный том — 16—17 печатных листов — пресловутых рассказов из жизни советских рабочих, рассказов, исполненных оптимизма, широкого взгляда на свои дела и на дела других, громадного, неискаемого запаса смелости, новаторства, настойчивости.

Здесь вы прочтете и биографию замечательного московского токаря П. Быкова, узнаете о жизни и трудах закройщицы М. Левченко, затейника М. Михайловского, мастера участка М. Ярколенко, проходчика Северо-уральских бокситовых рудников И. Проничкина и М. Минзарипова, зуборезчика А. Васина, бурного мастера А. Нейматулы, уральского мастера Г. Запорожца. Москва, Ленинград, Киев, Урал, Донбасс, Баку, Русские, украинцы, азербайджанцы, татары... Нигде прямыми словами не сказано о дружбе народов, но в труде людей, в каждом их движении, в каждой биографии чувствуется эта дружба. Собственно, без дружбы ни один из них не достиг бы той высокой степени совершенства, которой он теперь обладает.

И раньше выходили биографии рабочих. Вспомните книги, издававшиеся в годы первой пятилетки. Какая огромная разница! В памяти рабочих тогда еще живо было дореволюционное прошлое, поэтому хозяева заводов, полиция, борьба с эксплуататорами и борьба просто за кусок хлеба занимали много места в их биографиях. Завод был уже свой, к заводу, цеху, отношению уже было, как к своему, но машина трехлопастная. Отношения с инженерно-техническим персоналом были еще не совсем удачны; свои инженеры были еще не всюду. Машины, разумеется, были послушны, но все же... И вот это «все же», эти элементы какой-то внутренней тревоги, беспоконности чувствовались в тогдашних книгах, в тогдашних биографиях рабочих. Литераторы, писавшие о таких книгах тогда, говорили обычно: «Рабочие рассказывают нам свою жизнь бесхитростно, просто, бесхитростным языком...» И это почему-то считалось похвалой. Впрочем, подобные отзывы попадаются и сейчас.

А, по-моему, так писать о книгах нельзя. Видите ли, если с вами говорит человек настоящего искусства, открыватель, пущий новых путей, это не будет простым разговором. Там, где много мыслей, наблюдений, жизненного опыта, который человек хочет передать другим, бесхитростность, бесхитростность и простота не исключаются. Человек неизбежно будет говорить искусно, хитро, потому что он чрезвычайно хитро, искусно, легко проникает в свое дело, и он поведет вас за собой, научит вас тому, чему он научился сам.

И читал эти биографии стахановцев с увлечением, с удовольствием, с радостью. Книжки эти — сложные и рассказывают о замечательных вещах, которые открыл обыкновенный человек и открыл так вдохновенно, с таким увлечением, что смог рассказать об этой сложности без напряжения, умно, красиво, легко. Когда вы прочтете эти книги, вы еще раз поймете и почувствуете, какие изменения произошли в нашей стране, какой, я бы сказал, космический переворот. Изменения произошли не только в технике, но и в психологии людей.

Рекомендую вам прочесть книгу бурного мастера Ата Нейматулы: «Все вокруг в недре». О советском турбобуре, о бурении «вглубь и в любом направлении» рассказано превосходно, техническая проблема изложена популярно, одновременно несколько не снижая всей технической сложности. Для того, чтобы так мог писать бывший чернорабочий, в 1915 году переключившийся из деревни и поступивший в буровую партию, должно было произойти в его жизни и в жизни его страны чрезвычайно много хорошего, ободряющего, возвышающего.

И вот перед вами великолепной чертой проходит люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

СВЯЩЕННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ПИСАТЕЛЯ

Всеволод ИВАНОВ

деней, жизненного опыта, который человек хочет передать другим, бесхитростность, бесхитростность и простота не исключаются. Человек неизбежно будет говорить искусно, хитро, потому что он чрезвычайно хитро, искусно, легко проникает в свое дело, и он поведет вас за собой, научит вас тому, чему он научился сам.

И читал эти биографии стахановцев с увлечением, с удовольствием, с радостью. Книжки эти — сложные и рассказывают о замечательных вещах, которые открыл обыкновенный человек и открыл так вдохновенно, с таким увлечением, что смог рассказать об этой сложности без напряжения, умно, красиво, легко. Когда вы прочтете эти книги, вы еще раз поймете и почувствуете, какие изменения произошли в нашей стране, какой, я бы сказал, космический переворот. Изменения произошли не только в технике, но и в психологии людей.

Рекомендую вам прочесть книгу бурного мастера Ата Нейматулы: «Все вокруг в недре». О советском турбобуре, о бурении «вглубь и в любом направлении» рассказано превосходно, техническая проблема изложена популярно, одновременно несколько не снижая всей технической сложности. Для того, чтобы так мог писать бывший чернорабочий, в 1915 году переключившийся из деревни и поступивший в буровую партию, должно было произойти в его жизни и в жизни его страны чрезвычайно много хорошего, ободряющего, возвышающего.

И вот перед вами великолепной чертой проходит люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

И в этот перед вами великолепной чертой проходит люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

И в этот перед вами великолепной чертой проходит люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

деней, жизненного опыта, который человек хочет передать другим, бесхитростность, бесхитростность и простота не исключаются. Человек неизбежно будет говорить искусно, хитро, потому что он чрезвычайно хитро, искусно, легко проникает в свое дело, и он поведет вас за собой, научит вас тому, чему он научился сам.

И читал эти биографии стахановцев с увлечением, с удовольствием, с радостью. Книжки эти — сложные и рассказывают о замечательных вещах, которые открыл обыкновенный человек и открыл так вдохновенно, с таким увлечением, что смог рассказать об этой сложности без напряжения, умно, красиво, легко. Когда вы прочтете эти книги, вы еще раз поймете и почувствуете, какие изменения произошли в нашей стране, какой, я бы сказал, космический переворот. Изменения произошли не только в технике, но и в психологии людей.

Рекомендую вам прочесть книгу бурного мастера Ата Нейматулы: «Все вокруг в недре». О советском турбобуре, о бурении «вглубь и в любом направлении» рассказано превосходно, техническая проблема изложена популярно, одновременно несколько не снижая всей технической сложности. Для того, чтобы так мог писать бывший чернорабочий, в 1915 году переключившийся из деревни и поступивший в буровую партию, должно было произойти в его жизни и в жизни его страны чрезвычайно много хорошего, ободряющего, возвышающего.

И вот перед вами великолепной чертой проходит люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

И в этот перед вами великолепной чертой проходит люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

И в этот перед вами великолепной чертой проходит люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

деней, жизненного опыта, который человек хочет передать другим, бесхитростность, бесхитростность и простота не исключаются. Человек неизбежно будет говорить искусно, хитро, потому что он чрезвычайно хитро, искусно, легко проникает в свое дело, и он поведет вас за собой, научит вас тому, чему он научился сам.

И читал эти биографии стахановцев с увлечением, с удовольствием, с радостью. Книжки эти — сложные и рассказывают о замечательных вещах, которые открыл обыкновенный человек и открыл так вдохновенно, с таким увлечением, что смог рассказать об этой сложности без напряжения, умно, красиво, легко. Когда вы прочтете эти книги, вы еще раз поймете и почувствуете, какие изменения произошли в нашей стране, какой, я бы сказал, космический переворот. Изменения произошли не только в технике, но и в психологии людей.

Рекомендую вам прочесть книгу бурного мастера Ата Нейматулы: «Все вокруг в недре». О советском турбобуре, о бурении «вглубь и в любом направлении» рассказано превосходно, техническая проблема изложена популярно, одновременно несколько не снижая всей технической сложности. Для того, чтобы так мог писать бывший чернорабочий, в 1915 году переключившийся из деревни и поступивший в буровую партию, должно было произойти в его жизни и в жизни его страны чрезвычайно много хорошего, ободряющего, возвышающего.

И вот перед вами великолепной чертой проходит люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

И в этот перед вами великолепной чертой проходит люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

И в этот перед вами великолепной чертой проходит люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

деней, жизненного опыта, который человек хочет передать другим, бесхитростность, бесхитростность и простота не исключаются. Человек неизбежно будет говорить искусно, хитро, потому что он чрезвычайно хитро, искусно, легко проникает в свое дело, и он поведет вас за собой, научит вас тому, чему он научился сам.

И читал эти биографии стахановцев с увлечением, с удовольствием, с радостью. Книжки эти — сложные и рассказывают о замечательных вещах, которые открыл обыкновенный человек и открыл так вдохновенно, с таким увлечением, что смог рассказать об этой сложности без напряжения, умно, красиво, легко. Когда вы прочтете эти книги, вы еще раз поймете и почувствуете, какие изменения произошли в нашей стране, какой, я бы сказал, космический переворот. Изменения произошли не только в технике, но и в психологии людей.

Рекомендую вам прочесть книгу бурного мастера Ата Нейматулы: «Все вокруг в недре». О советском турбобуре, о бурении «вглубь и в любом направлении» рассказано превосходно, техническая проблема изложена популярно, одновременно несколько не снижая всей технической сложности. Для того, чтобы так мог писать бывший чернорабочий, в 1915 году переключившийся из деревни и поступивший в буровую партию, должно было произойти в его жизни и в жизни его страны чрезвычайно много хорошего, ободряющего, возвышающего.

И вот перед вами великолепной чертой проходит люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

И в этот перед вами великолепной чертой проходит люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

И в этот перед вами великолепной чертой проходит люди — вдохновенные творцы машин, новаторы производства!

Фильм о сельской учительнице

Не о культурной добротности сценария М. Смирновой «Сельская учительница», не о работе режиссера М. Донского, не о мастерстве операторов я хочу говорить: обо всем этом лучше меня, конечно, скажут специалисты. Я смотрю на этот фильм, как на памятник ближнему моему чужому, может быть, даже и матери моей, а я будто подошел к памятнику, вспомнил свое и задумался...

Тоже и я учился у одной такой учительницы и, может быть, ей больше всех обязан тем основами поведения, которые — хочу этого верить, а отчасти и знаю—определяют характер моего жизненного творчества. Она была красавица девушка из купеческой семьи среднего достатка. Отцы торговали и гоняли на Оке баржи, дети пошли в революцию. Выросла она из тисков старого быта и вместе с братом своим пошла прямо в Париж, в Сорбонну. Окончив университет, она вернулась домой и всю жизнь работала в сельской глуши Елецкого уезда, на границе Тамбовской губернии. Через полвека она собралась возле себя огромную семью своих учеников. Последние годы жизни она провела в Москве, в доме ветерана революции («Дом Ильича»), продолжала и тут как-то ребят учить, сделала неустанно и за моей жизнью и за жизнью всех членов своей огромной семьи. Умерла она восьмидесяти трех лет, ночью, незаметно для всех, а днем перед этим учила кого то из ребят служащих в этом доме. На похороны их повторили одно и то же: какой хороший человек была Евдокия Николаевна Игнатова.

Очень правильно сделано в сценарии «Сельская учительница», что параллельно борьбе героини с темными силами за просвещение показана ее личная любовь и попытка создать свою личную семью. Не удивляет ей такая обыкновенная любовь, простое материнство, и так сама собой эта сила материнства передается в ту силу, которая связывает чужих людей в большую семью.

Вот то же могу сказать о своей учительнице. Не умею себе объяснить, почему она осталась на всю жизнь девушкой. Только знаю, что утрата личного счастья произошла в ней без «падения», и необычайную строгость в отношении нас, безразличных ребят, она всегда могла смягчить комором. Ее материнство и нам раскрывалось, с одной стороны, в строгих требованиях, и это в нас откладывалось, как необходимое «надо». Но это «надо» приходило не как, бывало, в казенных школах,—беслично. Наша учительница потихоньку выслушает твою маленькую «хочется», улыбнется, сделает по-товарищески, а ты, благодарный, потом делаешь ее «надо» с большим удовольствием: так у нас был постоянный обмен нашего «хочется» на ее «надо».

А время-то какое было! Замечательно это время дано в фильме. Молодая девушка пришла со школьной скамьи едет в телеге по Сибири с глобусом в руке. Боюсь, что по дороге поклонами не совсем будет понятен и даже покажется шаржем этот глобус на вытнутой руке Вареньки. Но я хорошо помню, как моя Дунечка вся в слезах прибежала к моей матери, бросилась ей на грудь и зарыдала. Мать гладила ее по голове и спрашивала:

— Успокойся, расскажи, кто тебя так обидел?

И оказывалось, что вся обида была в том, что новый законоучитель открыл борьбу против нее. Легко ли было Дунечке вверять в наши головы систему Коперника, убедить нас разными примерами в том, что земля — не плоскость, как мы это видим глазами, а шар, что не солнце ходит по небу, а земля вращается вокруг солнца. Сколько трудов! И вот пришел деревенский батюшка и в один час ребят вернул от Коперника к

Птоломео: земля такая, как мы ее видим, плоская, и солнце «ходит» вокруг земли.

Конечно, наш сельский священник возразил нас к Птоломею просто по крайней своей невестности, но борьба за плоскую землю вообще велась и другими средствами, и не только в глухих местах...

И это правильно сделано в фильме, что девушка едет на свою смертную борьбу за разум Коперника с одним толком, глобусом. Благодаря такому смелому и умному началу дальше уже не кажется неестественным, что молодая девушка на всех фронтах борьбы своей выходит победителем. Тут, конечно, и само время пришло на помощь автору: тысячи девушек должны были погибнуть в борьбе, чтобы, наконец, пришло время, тысячи эти сошлись в одной, и эта одна побеждает.

Сомнение в деле Дунечки, в его необходимости, в его первенстве и значении, было даже и у близких, сочувствующих людей. И что самое плохое, о чем я узнал только уже много времени спустя: Дунечка сама в себе сомневалась. Дело было в том, что учительство в народе Дунечка избрала как народное дело.

Но мало-помалу ее деятельность первой учительницы в уезде была подхвачена прогрессивными людьми, при помощи их она — с внешней стороны — успешно боролась с попами за свой глобус: усвоив себе систему новой географии, дети могли с успехом двигаться дальше по своей жизненной лестнице. Но тут-то вот и начинал их по-настоящему ловить хитрый «батюшка» в борьбе своей за плоскость земли: благодаря хорошей учительнице успевающие ученики ее предостерегали перед учениками других школ, попадали на лучшие места — дьяковны и городских...

Были, конечно, и хорошие, достойные своей учительницы матери дети, но это не могло удовлетворить старую революционерку. С этой неудовлетворенностью она и умерла.

Но пришло новое время, наше время. И пусть это не Вера Марешка, талантливая актриса, сумевшая отлично сыграть одно и то же лицо в своем развитии — почти от девочки до седой женщины в очках: пусть это Дунечка воскресла, моя учительница-мать.

Она пришла в эту школу девочкой и сказала ребятам:

— Я научу вас мечтать! — И эти созданные ею мечтатели пошли на Отечественную войну, вернулись героями, обнимая седую Дунечку, и все кончается общей победой.

Только для правдивости, чтобы не выдумывать, а писать, как в самом деле вспоминал о своей учительнице, когда смотрел фильм, взял я примером свою Дунечку. А если оглянуться по сторонам — сколько их! Сейчас, когда, в Казанском переулке живет одна в точности такая же Дунечка, и к ней постоянно приезжают проводить их провинциальные сельские ученики. Знаю одну и не очень еще старую учительницу в Переславском районе, и мало ли их, таких Дунечек! Всегда я от них ухожу с неловким чувством, что вот надо бы написать о них, и в то же время чувствую, мало я этим моим словом могу им сделать: им надо каждой памятник ставить, но она жива и, по существу, делал больше, чем ты сам можешь...

И не думаю, что успех этого фильма получился от одного только мастерства авторов: никаким мастерством раньше нельзя было сделать фильм о сельской учительнице, не подошло это время ее торжеству. Теперь это время пришло, и мастерство так хорошо пригодилось.

В этом смысле мы и приняли этот фильм, как памятник, но только памятник не на кладбище, среди покойников, а среди живых людей, как это в природе бывает: стоит старый ствол и вокруг него вытекает буйный хмель.

ЦЕНА ДИПЛОМА

Лишь после того как институт отступил на улице, Отгиз начал поиски «подходящего помещения». Полиграфическому институту тут же было передано пустующее здание на Садово-Спасской улице, где институт находится и сейчас.

Когда вы входите в каменный сарай, разгороженный десятками деревянных переборок, где на 787 квадратных метрах размещены 1.100 студентов и преподавательский состав, где расположились и лаборатории, и библиотека, и дирекция, и бухгалтерия, и машбюро, и раздевалки и пр., — вас сразу же оубревает сомнения: может ли здесь находиться столичный вуз?

Никаким полиграфическим оборудованием институт не располагает, и процессы производства, по образному выражению проф. Георгиевского, приходится показывать студентам «на пальцах». Качество такой подготовки молодых специалистов нетрудно себе представить? Можно понять, чего стоит диплом инженера, выходящего из Московского полиграфического института.

Когда было организовано Министерство высшего образования, Отгиз передал институт министерству, забыв впрочем не только о такой мелочи, как составление акта о передаче института, но и о... решении Совета Министров, которое обязывало Отгиз провести ремонт института, обеспечить его полиграфическим оборудованием и материалами, организовать производственную практику студентов.

Переход института в Министерство высшего образования несколько не улучшил его положение. С этим охотно соглашались и тов. Аржаников — начальник Главного управления машиностроительных вузов (под эгидой этого главного управления вузов по-прежнему находится институт, выпускающий инженеров-полиграфистов, редакторов художественной и политической литературы, художников-оформителей).

После перехода в Министерство высшего образования Полиграфический институт «казался» в третьей категории (случай уникальности в столице!), хотя по своей мощи и значению он мог быть в первой. Этот казус глава объясняет случайностью: полиграфический вуз «забыли внести в соответствующий список». Практически же третья категория означает: меньшую стипендию студентам, меньшую зарплату преподавателям и т. д.

Производственная практика студентов попрежнему поставлена безобразно. Отгизовские типографии «подпускают» практикантов к машине с воступством: кружки не трогать. Руководители типографий описывают, что практикант, чего доброго, «запорет» машину и выведет ее из строя.

Но к сожалению, эти условия в значительной степени обесцениваются неудовлетворительной работой поставщиков, от деятельности которых мы зависим.

Можно ли говорить о разнообразии и широком ассортименте цветных красок, когда Министерство химической промышленности не поставляет синих, фиолетовых и зеленых красителей, когда мы не получаем всего того, что необходимо для изготовления трехцветной краски? То же

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Торгаши из Союзпечати

Мы получили от своих читателей письма из различных городов Союза по одному и тому же вопросу — о торгошеском духе в Союзпечати.

Работник треста «Воронжестрой» т. Ясаков сообщает, что в Коснах Союзпечати номер, кто отказывается покупать с каждым номером газеты экземпляр одной и той же брошюры, деньги возвращаются обратно с грубым окриком:

— Идите разговаривать с начальником городской конторы Союзпечати, а газету без брошюры не дам. У меня такая установка...

Аналогичный случай произошел на Кроковском вагоностроительном заводе в городе Кременчуге.

«У рабочих нашего завода за последнее время появился большой интерес к «Литературной газете», а поступает она в заводской киоск Союзпечати в ограниченном количестве, — пишет А. А. Лебедев. — Заведующая киоском решила использовать это обстоятельство для повышения торгового оборота. Она продает каждый номер газеты только тем, кто вместе с газетой покупает... обложку для паспорта и залежавшиеся брошюры стоимостью не менее 4 рублей. Всякие объяснения рабочих, что старые брошюры их не интересуют, она и слушать не хочет.

Заведующая киоском Союзпечати, сообщает дальше т. Лебедев, нашла себе последователей среди работников торговых организаций Кроковского завода.

«Недавно в магазине ОРСа продавались туфли — стоят они 17 рублей. Однако их продавали только тем, кто, помимо туфель, покупал за 8 рублей шапки.

— Ну, а если мы не играем в шапки? — спрашивали рабочие.

— Это меня не интересует, — отвечал продавец. — Я выполняю приказание директора ОРСа тов. Кошман.

Нарисов то Кошман поторопился воспользоваться «методами» торговли, которыми пользуются работники Воронежской и Кременчугской контор Союзпечати. Это вредные и чуждые нам методы, их нужно немедленно изменить.

П. В. Вильямс

Большая утрата постигла советское искусство. Безразлично, в расцвете своих творческих сил ушел от нас талантливый художник, заслуживший деятель искусств РСФСР, Петр Владимирович Вильямс. Свообразный и яркий живописец-символист, автор известной картины «Практики народа», участник почти всех крупных художественных выставок СССР, Вильямс с наибольшей силой раскрыл свое чудесное дарование на сцене театра.

Как театральный художник, он с одинаковой мастерской проницательностью оперных и балетных спектаклей свою творческую, полную богатой фантазией, творческую мысль. Он был художником таких выдающихся спектаклей Большого театра, как «Иван Станицкий», «Вильгельм Телль», «Ромео и Джульетта» и «Болтушка».

Его именем неразрывно связаны такие атланты работы МХАТ, как «Иван Грозный» и «Иоанн Богослов», а также «Тартиус». Последние дни и «Пикникский клуб».

Лучшие из этих работ Вильямса были удостоены самой высокой для художника награды — Сталинской премии.

Советские театры в поисках новых путей в искусстве находили в лице П. В. Вильямса смелого и глубокого новатора. Он был художником-режиссером с передовым мировоззрением и горячей любовью к родной земле и своему народу.

Больно и горестно сознавать, что жизнь его оборвалась так рано. Светлая память о замечательном художнике и прекрасном общественном человеке Петре Владимировиче Вильямсе сохранится в сердцах советского зрителя и товарища по работе.

Храбриченко Ф., Барсова В., Батурина А., Боярченко Ф., Давыдова В., Явнов А., Козловский И., Кругликов Е., Леонидович Я., Лавровский Л., Левченко Л., Левченко С., Мелинг-Панас А., Маслаков М., Михайлов М., Павловский А., Пирогов А., Рейхан М., Улянова Г., Хамаев Н., Шиндер Н., Файер Ю., Кипнер-Чехова О., Касалов В., Касалов Н., Мекселин В., Прушкин М., Станицкий В., Топоров В., Герасимов А., Герасимов С., Дятлова В., Мухина В., Сарьян М., Федоровский Ф.

Мы считаем, что положение изменилось. Поднятые «Литературной газетой» вопросы уже начинают разрешаться. Трест «Союзпечать» заверил нас, что он вверит будет снабжать нас высококачественными материалами в необходимом количестве.

Мы верим, что и остальные наши поставщики последуют этому примеру и создадут для красочных заводов такое положение, при котором они смогут выпускать продукцию, обеспечивающую отличное качество печати. Равнодушие к нуждам полиграфии должно быть сломлено.

Г. ГУРЕВИЧ, управляющий трестом «Полиграф».

В значительной степени из-за нехватки работников ряда отраслей промышленности к полиграфии типографии получают такую краску, которая заставляет старых мастеров краснеть. Усилия работников нашей отрасли направляются на глухую стену равнодушия поставщиков.

Вся эта история — лишь внешнее выражение той большой и серьезной борьбы, которую трудовая Италия неустанно ведет против реакционеров и империалистов, за свободу и независимость своей страны.

К официальному списку государств, участвовавших в фестивале, следовало бы прибавить еще одно — Ватикан.

Панство уже давно причислено кинематограф к арсеналу божественных средств и охотно пользуется им, а также и теми доводами, какие он приносит. В итальянском кино Ватикан претендует на командные позиции. Посетитель венецианского фестиваля на одном из выставочных стендов мог прочитать, что из 5.000 проекционных аппаратов, действующих в Италии, — 3.000 принадлежат Ватикану.

Кино нуждается в рекламе, и к пропаганде паспикс кинотеатров приключен сам господь бог. Поэтому в церквях и соборах красуются списки, в которых особо перечислены картины, уголки богу, которые следуют смотреть верующим, и особо — те картины, которые католикам смотреть не следует. В списке, освоенном благословением, как и на экранах паспикс кинотеатров, утверждается обычно американская кинотрагедия, пропагандирующая самые страшные преступления против человечности и морали. Перед этими произведенными двери итальянских кинотеатров широко открыты. Зато паспикс ключ наглухо закрывает двери перед прогрессивными фильмами, исполненными подлинной морали и человечности. Эти фильмы трудно увидеть итальянскому зрителю, потому что из остальных 2.000 киноаппаратов, не купленных Ватиканом, 1.500 принадлежат американским компаниям. Оставшиеся же 500 сохраняют лишь формальную независимость от иностранцев. На деле же и они оккупированы иностранными кинотеатрами и управляются подставными лицами. Незадолго в Ватикане в буквальном смысле — итальянская ассоциация кинопрокатчиков приняла резолюцию, в которой говорится: «Если в Италии не будет разрешен свободный доступ американских фильмов, то прокатные фильмы и владельцы кинотеатров вынуждены будут... обратиться к крайнему средству защиты... к прекращению демонстрации итальянских фильмов во всех кинотеатрах Италии».

Все это объясняет распространяемую в Италии поговору о том, что неизвестно, кто у кого служит — папа римский у Трумэна, или наоборот. Но так или иначе, оба усердно служат одному, всемирному, вездесущему, непогрешимому Доллару.

Свою кинематографическую деятельность Ватикан не ограничивает прокатом. Он занимается и производством кинокартин, одна из которых была представлена на кинофестивале в качестве претендента на первый международный приз. О том, что приз якобы получил именно «Монсеньор Винченца» — фильм о святом Винченце, — известно было еще до начала фестиваля. Фильм этот, сделанный во Франции на паспикс деньги, проповедует благотворительность и сострадание богатым к бедным, как панасек от всех зол мира. Фильм превозносил и готовил к услугам газетчики и священники в своих проповедях. И чтобы окончательно расчистить «Монсеньору Винченца» путь к первому призу, представитель Ватикана на фестивале предложил союзное советскому делегату. Сделано это было под флагом создания единого фронта моральных и человеческих картин против безнравственной и аморальной американской кинопродукции. Призы же, дескать, можно будет разделить пополам. Само собой разумеется, что советская делегация, отвергнувшая всякие закулисные сделки и интриги, отвергла и это предложение. И вслед за тем католики немедленно ушли свои нападки на советские кинокартины.

Что же касается католического фильма о сострастании к бедным, то он так и не получил приза.

Гр. АЛЕКСАНДРОВ

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» ВЫХОДИТ 7 ДЕКАБРЯ

ГЛУХАЯ СТЕНА

Наше предприятие еще не дает типографским работникам все, что необходимо. Мы выпускаем цветные краски в крайне ограниченном ассортименте. Мало высококачественных иллюстрационных красок. Между тем заводы в состоянии обеспечить полиграфическую промышленность отличными красками. И мы обязаны их дать!

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Рабочие и инженерно-технические работники наших предприятий работают с большим энтузиазмом и прилагают все усилия к тому, чтобы помочь полиграфистам выпускать такие книги, которые своим оформлением радовали бы советского читателя.

Закончился второй съезд писателей Таджикистана

СТАЛИНАБАД. (От наш. корр.) Закончилась работа второго съезда советских писателей Таджикистана.

Догад о таджикской советской литературе и ее задачах сделал председатель правления Союза советских писателей Таджикистана Турсун-Заде. Были заслушаны доклады о драматургии, прозе, детской литературе.

В этом смысле мы и приняли этот фильм, как памятник, но только памятник не на кладбище, среди покойников, а среди живых людей, как это в природе бывает: стоит старый ствол и вокруг него вытекает буйный хмель.

В этом смысле мы и приняли этот фильм, как памятник, но только памятник не на кладбище, среди покойников, а среди живых людей, как это в природе бывает: стоит старый ствол и вокруг него вытекает буйный хмель.

В этом смысле мы и приняли этот фильм, как памятник, но только памятник не на кладбище, среди покойников, а среди живых людей, как это в природе бывает: стоит старый ствол и вокруг него вытекает буйный хмель.

В этом смысле мы и приняли этот фильм, как памятник, но только памятник не на кладбище, среди покойников, а среди живых людей, как это в природе бывает: стоит старый ствол и вокруг него вытекает буйный хмель.

В этом смысле мы и приняли этот фильм, как памятник, но только памятник не на кладбище, среди покойников, а среди живых людей, как это в природе бывает: стоит старый ствол и вокруг него вытекает буйный хмель.

В этом смысле мы и приняли этот фильм, как памятник, но только памятник не на кладбище, среди покойников, а среди живых людей, как это в природе бывает: стоит старый ствол и вокруг него вытекает буйный хмель.

В этом смысле мы и приняли этот фильм, как памятник, но только памятник не на кладбище, среди покойников, а среди живых людей, как это в природе бывает: стоит старый ствол и вокруг него вытекает буйный хмель.

В этом смысле мы и приняли этот фильм, как памятник, но только памятник не на кладбище, среди покойников, а среди живых людей, как это в природе бывает: стоит старый ствол и вокруг него вытекает буйный хмель.

В этом смысле мы и приняли этот фильм, как памятник, но только памятник не на кладбище, среди покойников, а среди живых людей, как это в природе бывает: стоит старый ствол и вокруг него вытекает буйный хмель.

В этом смысле мы и приняли этот фильм, как памятник, но только памятник не на кладбище, среди покойников, а среди живых людей, как это в природе бывает: стоит старый ствол и вокруг него вытекает буйный хмель.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международная жюри — К 4-61-61, науки и техники — К 4-60-02, информация — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.